

Невеста для Хана

Автор:

Ульяна Соболева

Невеста для Хана

Ульяна Павловна Соболева

Монгольское золото #1

Когда в первую брачную ночь вместо любимого ко мне в спальню вошел жуткий незнакомец и заявил, что теперь я принадлежу ему, я еще долго не могла поверить в шокирующую правду – меня проиграл в карты мой собственный муж и отдал на 30 дней в рабство ужасному человеку по кличке Хан.

Содержит нецензурную брань.

Глава 1

– Сними эти белые тряпки! Мне они не нравятся.

Обернулась и вздрогнула от ужаса. Это был не мой Павлик, а тот жуткий человек с раскосыми черными глазами. Он стоял возле двери, прислонившись к ней спиной и сложив руки на мощной груди, покрытой черной порослью вверху и татуировками, переходящими на плечи. Голый по пояс, в шелковых штанах с низкой посадкой, открывающих его плоский живот почти до самого паха. Ниже опустить взгляд я не решилась, стало нечем дышать. Огромный, как скала. Весь словно отлитый из темной бронзы. Широоченные плечи, сильная бычья шея и рельефные накачанные мышцы, перекатывающиеся под лоснящейся темной кожей, как бугрящиеся канаты. Казалось, мужчина занял собой все пространство гостиничного номера. Он может переломать меня пополам одной рукой без особых усилий или свернуть мне шею. И этот страшный взгляд из-под густых

черных бровей, который пронизывал меня насквозь еще там на церемонии бракосочетания и потом в зале, полной гостей, заставляя покрыться мурашками. Лицо, скрытое до половины бородой, внушало суеверный ужас. Мне никогда не нравились бородатые.

Не знаю, как он проник в комнату. Я ведь закрылась изнутри, а ключи от номера были только у моего жениха.

– Как вы вошли? Убирайтесь немедленно! Кто вы такой?!

Схватила халатик, лихорадочно пытаюсь натянуть на себя и прикрыться. Жуткий гость осклабился, сверкая белоснежными зубами, и сделал шаг ко мне, прокручивая между пальцами карточку-ключ. Я все еще думала, это какая-то шутка или ошибка. Может быть, Паша решил так пошутить в нашу первую брачную ночь и сейчас выскочит из-за двери, улыбаясь своей умопомрачительной звездной улыбкой и размахивая смартфоном. Он любил все снимать и тут же выставлять в соцсеть.

– Кто я? – страшная ухмылочка. – Ты будешь называть меня Хан, Птичка.

Тяжело дыша, осмотрелась по сторонам и попятилась к балкону.

– Я закричу, позову охрану. Сейчас сюда зайдет Паша и...и вышвырнет вас! Убирайтесь из моего номера! Вон!

Подошел ко мне и выдернул из моих рук халатик, разодрал его у меня на глазах и отшвырнул в сторону. В нос ударил запах дорогого парфюма и терпкий аромат мужского тела. Он меня пугал. Никогда раньше я не видела полуобнаженного мужчину так близко.

– Сюда никто не придет. Твой Паша особенно. Он проиграл в карты и отдал тебя в уплату долга – МНЕ. Я пришел взять свой выигрыш. Снимай с себя все эти тряпки по-хорошему, залазь на стол и раздвигай ноги. Я голоден и хочу трахать тебя сейчас!

Ранее

– Я так счастлива, так счастлива!

Кружилась по комнате, раскинув руки, чувствуя, как пышное свадебное платье встает колоколом и закручивается вокруг ног, а волосы колыхаются и хлещут по покрасневшимся щекам. Кровь бурлит, пенится от счастья.

– Сумасшедшая, прическу испортишь.

– Не испорчу, тетя. Не испорчууууу. Я сегодня за Павлика замуж выхожу. О Божееее! За Павлика Звезду! Аааааа. Я сама в это не верю.

Схватила тетушку за руки и заставила прыгать вместе со мной. Ее полные щеки покраснелись, а красно-каштановые, крашенные пряди волос выбились из закрученной на затылке «гульки».

– За самого красивого мужчину. За звезду эстрады. Заааа само совершенствоооо. За талантищеее, – я не знала, каким еще титулом наградить жениха, в которого была беззаветно влюблена. А кто был не влюблен в лунного мальчика? В Павла Звезду, чья карьера так стремительно взлетела вверх после «Фабрики Талантов». Я влюбилась, как только увидела его по телевизору, а потом моталась на концерты, стояла с блокнотом и ждала автографа, если повезет. Мне не везло. Он ни разу меня даже не заметил. А потом объявили этот отбор и... свершилось самое невероятное чудо.

О, как же он красив. Его белокурые волосы отливали перламутром, а голубые глаза походили на клочки весеннего неба. Он был похож на ангела, сошедшего с небес. Моя комната увешана его портретами, и каждый раз, когда я туда заходила, то представляла себя рядом с ним. Представляла, как он увидит меня и полюбит с первого взгляда. Мне исполнилось всего лишь восемнадцать, я ходила на балет, рисовала акварелью и писала стихи. О нем. Все, что я творила, было только о нем и для него. Ведь без любви нет вдохновения, а я вся была пропитана любовью к Павлику.

– Все. Хватит скакать, моя дурочка. У меня давление как подпрыгнет, и вместо свадьбы будешь скорую вызывать и компрессы мне ко лбу прикладывать.

Тетя Света сжала мои запястья и остановилась, разглядывая меня и улыбаясь.

– Я вижу, как ты счастлива, девочка моя, и я счастлива за тебя втройне. Не знаю, каким чудом он выбрал именно тебя среди всех этих фанаток, среди чокнутых поклонниц и тысяч ярких женщин...

– Это судьба. Просто судьба. Так должно было случиться. Потому что я предназначена ему самой судьбой. Я его, а он мой.

Никто не верил, что я, Вера Измайлова, попаду на шоу и...и получу в женихи самого Павлика Звездного. Что он выберет именно меня. Когда прислали приглашение на первый раунд, тетя даже не сказала мне об этом. Подумала, что это розыгрыш.

Куда нам до всяких шоу. Живем обе на ее пенсию, я только в университет поступила и на работу официанткой устроилась. Квартира старенькая бабушкина и мебель в ней тоже бабушкина. В гости кого-то позвать стыдно, настолько все ветхое.

Приглашение тетя мне сама отдала, когда я уже отчаялась его получить, когда поверила, что меня никогда не позвали бы на такое шоу, и тихо плакала у себя в спальне от отчаяния и обиды.

– Почему? Чем я хуже их всех? Я уродлива? Кривая или косая? А может, проклята? Или там на деньги смотрят? Неужели везде смотрят только на деньги? Все покупается и продается! И люди тоже!

– Ну что ты, моя девочка, ты самая красивая и ты дашь фору любой из этих тупых куриц. Они по сравнению с тобой шлюшки дешёвые.

– Какую фору, тетя? Он фото мое увидел в этих... в этих ужасных джинсах и... даже рассматривать не стал. Куда мне с ними тягаться? Не надо было ничего отсылать. Дура...дура...дура.

– Глупенькая моя, увидел и обалдел. Приглашение еще неделю назад пришло – с курьером принесли.

Она гладила меня по голове в этот момент, но едва произнесла слово «приглашение», я подскочила и схватила ее за мягкие полные плечи, не веря своим ушам.

- Приглашение?

- Да, приглашение. Ты ведь девочка у меня красивая. Куколка моя. Они не могли не прислать. Просто не могли.

- И...и где приглашение?

- Ты ведь не собираешься туда ехать, Вера?

Я не верила, что она говорит это на самом деле. Не верила, что тетя скрыла от меня приглашение на первый раунд отбора и теперь пытается отговорить от такого шанса.

- Почему?

- Потому что нечего нам там делать. Ты не такая, как они. Ты скромная, хорошая девочка. Сожрут тебя там, не глядя. Куплено все на шоу этом, понимаешь? Нет там чувств и правды. Только бизнес и деньги. Боюсь, что обидят тебя... птичку мою.

Я смотрела ей в глаза и видела там этот блеск разочарования, жалости и собственной вины.

- Да и тебе нечего туда надеть, моя хорошая. Мы совсем на мели. Все продано и проедено.

- А мамино платье? То, из Франции. Зеленое с бархатными вставками. Ты говорила, она его всего один раз надела перед... перед аварией.

- Оно будет велико на тебя. Да и сколько ему лет? Наверняка, моль побила.

- Помнишь, как Скарлетт О'Хара наряд из штор сшила? Кстати, то платье тоже было зеленое. Мы его подошьем. Тетя, любименькая моя, ну пожалуйста. Я так

хочу его увидеть... пусть он не выберет меня, но я хотя бы увижу. Это же сам Павел Звезда! Пусть потом домой и ни с чем... но я хотя бы на жизнь посмотрю, на людей, в столице побываю.

- Вся в мать свою. Ей тоже не сиделось.

Проворчала тетя и пошла в свою комнату, а я за ней.

- Ты говорила, что мама с папой счастливы были.

- Говорила... я много чего говорила. Был бы он нормальным человеком, отец твой, не сел бы выпившим за руль и не убил бы свою беременную жену, и сам бы не умер от травм.

Как всегда, при этих словах ее глаза наполнились слезами, и она решительно открыла шкаф. Достала дрогнувшей рукой платье и показала мне.

- Велико будет. Ростом ты, не знаю, в кого мелкая такая. Ушивать придется.

Он был ослепительнее, чем по телевизору, и ярче, чем само солнце. Красивый, отечканенный, ровный нос с легкой горбинкой. Высокий, худощавый, стройный, даже чуть нежный, от чего его очарование казалось каким-то неземным. Утонченность и ухоженные, длинные, соломенные, вьющиеся волосы сводили с ума всех женщин от мала до велика, как и его тонкий, женственно высокий голос, а меня, восторженную девчонку, и подавно. Я смотрела на это совершенство, талант, красоту и хлопала глазами, чувствуя, как сильно и гулко колотится мое сердце. У Паши был красивый лоб, словно нарисованный художником, узкий подбородок с маленькой ямочкой, светлая ровная кожа. Он поглядывал на всех присутствующих девушек самоуверенным взглядом самой настоящей звезды, как в его клипах, чуть презрительно и обаятельно, и так ослепительно улыбался представленным ему претенденткам. Мне он улыбнулся точно так же. Но я готова была за эту улыбку продать душу дьяволу.

– Посмотрите на это ужасное платье? Откуда она его достала, с какого сэконд хэнда? – слышался женский голос позади меня, и я внутренне напряглась.

– Сняла со своей мертвой прабабушки, когда ту хоронили. – хихикнула другая.

– Думаешь?

– Конечно. С морга вещички забрала и в шкаф... нет, в сундук спрятала. Так и передают от прабабки к прабабке!

– Ага, в нем только милостыню у метро кланчить.

Когда я обернулась, девушки демонстративно замолчали и сжали губы, сдерживая смех. Я постаралась успокоиться и не прислушиваться.

– Посмотрите на ее туфли. Век динозавров. Полный отстой. На рынке за пару тыщ купила в распродажу.

– И эти волосы. Жесть. Она б еще кокошник надела. Косу заплела – деревня, мля! Почему на шоу нет селекции? Я бы сэлфи сделала, так эта убогая в кадр лезет стыдно выставить в инсту.

– У прабабки-покойницы волосы взаймы взяла. Коса накладная, девочки. Что вы понимаете? Писк моды.

Снова расхохотались, и я резко обернулась к ним, они замолчали, отворачиваясь и поглядывая в стороны и на потолок. Я медленно выдохнула, вспоминая, как обещала тете ни во что не вляпаться, и пытаюсь сдержать ярость, но не справилась. Одна из высокомерных куриц прошла мимо меня, и я подставила ногу, а когда она падала, дернула за волосы. Растянувшись на полу, с задранной юбкой, оторванными накладными трессами, курица уже не выглядела столь великолепно, а ее подружки теперь весело хохотали над ней самой.

– Анька говорила, ее волосы так великолепны, что еле уложить смогла.

– Они были великолепны до того, как забыли отрасти. – сказала я и поддела одну из тресс носком туфли. – Кажется, искусственные.

– Ах ты ж... дряяянь!

Девка бросилась на меня с кулаками, но я всегда умела за себя постоять, и уже через мгновение под глазом Анны красовался багровый синяк.

– Что здесь происходит?

Начальник охраны павильона появился как из-под земли и грозно посмотрел на каждую из нас.

– Эта...эта девка вцепилась мне в волосы и ударила меня. Кто допустил ее сюда? Эту бомжиху в грязных тряпках и стоптанных туфлях? От нее воняет тройным одеколоном! – она демонстративно зажала нос, а у меня потемнело от злости перед глазами.

– Я не бомжиха. Меня пригласили.

Ничего не успела сказать, как меня схватили под руки и потащили прочь из залы.

– Я же показывала приглашение.

– У нас таких с приглашениями знаешь сколько? Давай по-хорошему вали отсюда, не то все кости пересчитаю. Или пацанам отдам, во все дыры тебя отымеют. Давай. Пошла отсюда!

Выдернула руку из цепких пальцев охранника, второго пнула по коленке, и едва они разжали руки, побежала обратно в залу, перецепилась за многочисленные шнуры и переходники от камер и оборудования и чуть не упала, вылетев в центр павильона.

– Хан вернулся, ты слышал?

– Какого черта? Разве его не пристрелили? Он потребует... – в голосе Павлика слышались панические нотки, но он не договорил, как раз в этот момент я на него и налетела со всего разбега.

– Что происходит, Аркадий Иванович? Что это? – взвизгнул Павлик и шарахнулся от меня в сторону.

«Этим», судя по всему, была я.

Глава 2

– Простите. Каким-то образом эта оборванка пробралась на кастинг. Ее сейчас выведут. – охранник уже сцапал меня за шиворот и тряхнул, как тряпку.

– Я не оборванка! Я – Вера Измайлова. Меня пригласили. Или это шоу не для всех?

– Как-как? Измайлова? Не помню такую, – пожав плечами сказал Павлик, а я на секунду потеряла дар речи от его близости и красоты, но времени на молчание у меня не было, так как жесткие пальцы охранника-мордоворота сдавили мой локоть, чтобы дернуть к себе снова.

– На видео... я танцевала и стихи для вас написала.

Сиваков что-то шепнул Павлику, и тот, изменившись в лице, повернулся ко мне.

– Черт... Да, вы правы. Я забыл... Возьмем ее.

Посмотрел на меня и снова на Сивакова:

– Не хватало еще потом выслушивать, что набирали только из своих. Пусть разбавит элиту, – шепнул ведущий, – ну и заказ... ты ж знаешь. Она подходит.

– Конечно, подхожу. – в отчаянии взмолилась я. – Я ведь так вас люблю и буду лучше всех. Они здесь ради денег и славы, а я ради вас самого.

Лицо Павлика расплылось в улыбке и взгляд смягчился. А у меня дух захватило от ямочки на его щеке и от этой легкой небритости, от его чувственных губ.

– Если ты получила приглашение – значит останешься здесь. Шоу для всех. Особенно для талантливых, – тронув мои волосы добавил, – и влюбленных.

Наверное, в этот момент я и понравилась ему. Или позже. Когда он танцевал со мной. Да, скорее всего, именно тогда. Ведь был этот момент, как в книгах... что-то щелкнуло, екнуло и захлестнуло безумием, любовью с первого взгляда. Ведь это точно любовь, когда бабочки порхают в животе и по коже мурашки от одного его взгляда.

Но тогда Звезда многозначительно взглянул на Сивакова, проходившего мимо стоящих в ряд претенденток и рассматривающего их, как лошадей в стойле, когда говорил, что возьмет меня.

– Верное решение, Павлик. Не зря тебя так любят твои поклонницы. Ты сама доброта, – равнодушно сказал ведущий и тут же призывно улыбнулся одной из претенденток.

– Жаль... жаль, я не главный герой шоу, – щелкнул языком и погладил обнаженное плечико смуглой девушки.

Разве он не женат, этот Сиваков? Кажется, в одной из газет было написано, что у него трое детей имеется и жена.

Обезумевшая и взволнованная от настоящей встречи с самим Павликом, окрыленная, влюбленная впервые в жизни, как дурочка, очарованная и покоренная звездой (с разных букв, с большой и с маленькой) я мчалась на такси домой. Всем претенденткам вызвали машину. Кого-то забрали на шикарных иномарках. Когда-то и мы жили по-другому, и у нас тоже была машина и квартира в центре города.

Но об этом я слышала лишь из рассказов тети. Как и о своей матери с отцом. Они погибли в аварии, в которой я чудом выжила. Ехали с какого-то приема, мне было четыре, и отец не справился с управлением, машину занесло на встречную под колеса «Камаза». Меня успели выбросить из окна. Отец был инженером-архитектором, мать была красавицей и мечтала стать актрисой. Тетя говорила мне, что она была невероятной, но встретила моего отца и... все. И в столицу не поехала. Мама погибла сразу... а отец долго лежал в коме, перенес множество

операций. Тетя квартиру продала, чтоб его вытянуть с того света, хотя и считала убийцей своей сестры, но папа не выжил.

Когда бабушка умерла, а следом за ней и дед, моя мама уехала и мало общалась с сестрой. У них были тяжелые отношения и разногласия. Тетя не одобряла того, что мама хотела стать актрисой, как и ее любовь к папе.

С личной жизнью у тети не сложилось. Она посвящала себя работе и так и не вышла замуж, не родила своих детей. Меня она забрала из больницы, где после аварии умерли мои родители, и сразу удочерила. Ее зарплаты учителя едва хватало на нас и на коммунальные выплаты. Мы едва сводили концы с концами. Шоколад я видела на свой день рождения и на новый год. Мы с мамой Светой экономили каждую копейку.

Спустя неделю после последнего раунда к нам пожаловал Сиваков и сообщил, что я избрана невестой Звезды, и финальный раунд уже будет просто красивым спектаклем, в конце которого Павлик сделает мне предложение и подарит кольцо. Вместо меня в обморок упала тетя, а я онемела и не могла ответить ни на один вопрос ведущего, который лучезарно улыбался и даже не присел на предложенный ему стул. Я, может быть, и заметила бы, как брезгливо он морщит нос, но новость о том, что выбор пал на меня, обескураживала до такой степени, что я ничего не слышала и не видела. Меня не смутило даже то, что нас не снимали. Как сказал Сиваков: «не надо шокировать зрителей такой нищетой».

Потом они ушли с тетей на кухню, а я чуть не заверещала на весь дом от счастья. Мама Света вышла оттуда с какими-то бумагами в руках, а Сиваков удалился, огласив дату регистрации брака.

– Так быстро все произошло, – пожимала плечами тетя, – а где подарки для невесты? Где помолвка и приемы в ее честь? Не думала, что этот Звезда такой скряга. Разве не у него два дома и несколько иномарок?

Но я так привыкла к скромности и экономии, что не думала о подарках и драгоценностях. Ведь самым драгоценным подарком была эта свадьба и шоу. Но потом тетя успокоилась, когда мне сшили великолепное платье. За три дня до торжественной церемонии меня отвезли в самый модный в городе свадебный салон, сняли с меня мерки, я стояла перед огромным дорогим зеркалом, когда меня обступили швеи, кололи булавками и иголками, пришивая белые кружева,

ленты, цветы и жемчуг к пышному белоснежному платью из тончайшего воздушного шёлка, с очень низким круглым декольте, открывающим мои плечи, полушария приподнятой груди, спину, с широкой бальной юбкой из великолепной блестящей ткани, украшенной жемчугом и золотистыми нитями, под ней скрывался объёмный каркас, удерживающий всю эту ужасающе огромную конструкцию колоколом, как в исторических фильмах, и высоких перчатках со шнуровкой и розочками по бокам. Все это снимала съёмочная бригада, мне тыкали в лицо камерами и то и дело поправляли микрофон. И мне не верилось, что все это волшебство происходит со мной. Я вот-вот стану женой Паши. Конечно, нам мало удалось пообщаться за это время, только на постановочных свиданиях, которые снимали в разных ракурсах, но я была уверена, что у нас любовь. Самая настоящая. Как в кино. И с замиранием сердца ждала той самой заветной ночи, когда я стану принадлежать ему по-настоящему. Как в тех клипах, где он целовал других девушек, опрокидывая на постель, и они выгибались под шелковыми простынями, когда он их целовал. Или на капоте машины или... да какая разница где, ведь вместо них я всегда представляла себя.

Я стояла в этом невероятном, безумно дорогом, модном платье с кружевной вуалью, закрывающей мое лицо до половины, и с венком из белых искусственных роз с камушками в сердцевинах и на листьях перед алтарем рядом с Павлом, пахнущим самым сладким сном, мечтой и сводящим с ума своей неземной красотой. И не было никого счастливее меня в целом свете. Нас венчал сам Епископ Иннокентий, знакомый мне лишь из телевизора, в белой тиаре, с рассыпанными по ней бриллиантами и драгоценными камнями, он возвышался над чашей со святой водой, и при каждом произнесенном им «аминь» брызгал на нас ею под щелканье фотоаппаратов и нацеленных на нас огромных видеокамер. Пока я не произнесла самые важные слова в своей жизни:

– Да! Клянусь! Навсегда! Любить тебя!

Заученной заранее фразой, на которой настоял Сиваков.

– Клянусь! Пока смерть не разлучит! – чуть пафосно заявил, как в кино, Павлик и усмехнулся.

И посмотрела на своего новоиспеченного красавца-мужа, который держал тонкими аккуратными пальцами мое обручальное кольцо, перед тем как надеть мне его на палец, а я мечтала, как эти пальцы будут ласкать меня и касаться моих волос. Как будто видела нас со стороны.

Но вдруг широкие двойные двери торжественной залы распахнулись, и Епископ замолчал, а гости оглянулись, и я вместе с ними. В торжественную залу вошли странные гости. Их было человек десять. Одетых во все черное. Не русские. Они перекинулись парой слов на непонятном мне языке. Впереди всех вышагивал очень высокий мужчина, широкий в плечах настолько, что закрывал собой стоящих позади него людей. Я бы назвала его огромной черной пантерой, а не человеком. Он двигался, как смертоносное животное, и его лицо с густой бородой казалось высеченным из камня. Все черты крупные, грубые. Резко выделяющиеся надбровные дуги, широченные скулы, выступающие вперед, как и глубоко посаженные раскосые черные глаза выдавали в нем восточные корни. Он осмотрел весь зал, словно отсканировал, и перевел взгляд на нас с Пашей, а потом сел в первом ряду. В руках у него была алая роза. Он крутил ее в цепких пальцах и посматривал то на меня, то на моего жениха. Когда взгляд его жутких глаз останавливался на мне, я слегка вздрагивала. В них не отражалось ничего, кроме глубокого мрака и какого-то кровожадного голода, способного умертвить все живое вокруг.

Он пугал. От него исходил запах опасности, запах смерти. Как будто эта свадьба легко могла стать похоронами, если только он этого захочет.

– Хан пришел.

– Видели? Он вернулся.

– Говорили, что он мертв, разве нет?

Я повернулась к жениху и, встретившись с ним взглядом, опять ощутила прилив всепоглощающей радости. Какая разница, кто там пришел в гости. Я сегодня стала женой Павлика Звезды. Я жена знаменитости, таланта, самого красивого и любимого мною мужчины. Не знаю, что там ждет меня впереди, но точно нечто прекрасное.

После торжественной церемонии все гости сели за огромный, широкий стол, который ломился от самых разнообразных блюд. Но я от волнения есть не могла, думала только о том, чтобы все эти люди поскорее разъехались, и я осталась наедине с Пашей. За столом он сидел рядом со мной, но на меня почти ни разу не взглянул. Только когда позировал перед камерами, обнимал меня за плечи, и у меня сердце обрывалось от радости видеть его светлые глаза, направленные на меня, и сладкую улыбку, наконец-то подаренную мне.

А потом снова появился этот страшный человек, его гость, он прошел тяжелой походкой вдоль стола, и стихли все разговоры, ощутилось внезапно нахлынувшее волной напряжение, словно воздух стал тяжелым и раскаленным, как перед грозой. Страх. Он буквально витал в воздухе и как болезнь передавался от одного к другому. Я тоже его невольно ощутила. Незнакомца усадили неподалёку от нас. Позади него стали два человека в черном, сложив руки впереди и глядя в никуда, как роботы. Обслуга и организаторы праздника впадали рядом с ним в прострацию, млели и тряслись. Я видела, как мелко подрагивали руки официанта, когда он ставил перед гостем фужер и заказанное блюдо.

Мужчина вдруг резко повернул голову, и я ощутила, как мощно давит тяжестью его уничтожающе мрачный взгляд, невыносимо жесткий, властный и пронзительный, как будто пошло скользил по моему телу, словно просачивался сквозь одежду и касался везде какой-то липкой грязью и оскорбительной похотью. Я старалась как можно дольше на него не смотреть. Мне было страшно, как будто передо мной появился сам дьявол.

А сейчас меня словно загипнотизировали, и я не могу отвести от него взгляд, как в кошмарном сне. Незнакомец слегка мне улыбнулся, и эта улыбка была такая же неприятная, как и его черные непроницаемые глаза, словно оскал зверя. Он поднес к лицу красную розу, вдохнул ее запах, продолжая смотреть на меня. Я тут же резко отвернулась, сгребла пальцами салфетку, смяла, стараясь не нервничать. Он внашал мне какой-то суеверный ужас. И позволял себе смотреть так откровенно и отвратительно нагло на чужую невесту, как будто имел на это право. Ощутила, как стало не по себе от этого взгляда. Я невольно склонила голову Паше на плечо, взяла его под руку, ища у него защиты.

– Что? – раздраженно спросил он.

– Кто этот человек? Почему он так на нас смотрит?

– Какая тебе разница? Это мой гость. Дорогой гость. Улыбайся ему.

И снова отвернулся, высвободив руку и увлеченно беседуя со своим соседом-свидетелем. Ко мне подошел официант и протянул мне розу.

– Вам передали вместе с поздравлениями.

Судорожно сглотнула, не решаясь взять.

– Что думаешь? Бери! – услышался голос жениха. – И спасибо скажи. Думает она. – увидел мой растерянный взгляд и направленную на нас камеру. – Я же сказал, это мой гость. Возьми цветок, ты сделаешь мне этим приятно. И улыбайся. На нас все смотрят! Передай драгоценному гостю нашу благодарность.

Улыбнулась Паше и взяла розу, и тут же выронила ее, уколов палец до крови. Официант подал цветок снова, а я положила его на стол и поднесла палец ко рту. Встретилась взглядом с черными раскосыми глазами незнакомца и вздрогнула всем телом. Его взгляд был еще более кровожадным, острым, чем раньше. Пробрал меня до мяса и до костей, как лезвием ножа.

Отвернулась, стараясь выровнять дыхание и успокоиться. На гостя я больше не смотрела, тем более заиграла музыка, и мой муж пригласил меня на первый танец. Когда я встала из-за стола, то нечаянно смахнула розу на пол и с удовольствием наступила на нее, ощутив под туфелькой мягкие лепестки и хруст ломающегося стебля.

Точно так же уже совсем скоро сломают и меня саму...

Глава 3

Мне было страшно, и в то же время по телу проходила дрожь предвкушения. Сегодня я буду принадлежать Павлику и только ему. Стану по-настоящему его

женщиной. И страшно, потому что никогда и ни с кем ничего не было. Берегла себя. Хотела, чтоб красиво и по любви, хотела, чтоб помнить и не стыдно было. Тетя старой закалки у меня, она всегда говорила «умри, но не давай поцелуя без любви»*1.

Со мной все было очень сложно в плане любви и свиданий. Парни меня мало интересовали. Настоящие. Я Павлика любила. Все песни его слушала, знала наизусть... и мечтала... мечты, оказывается, сбываются. Я много и хорошо училась, сидела дома за книгами, балетная школа, потом художественная. Времени на мальчиков не было. Да и не нравилась я особо тем, кто обычно учит хороших девочек плохому. У меня была тетя с ее безграничной любовью, мои книги и учеба. А еще мои мечты и фантазии, в которых я была только с одним мужчиной – с Павлом.

С тех пор как я побывала на его концерте, меня уже никто и ничто не интересовало. И сейчас я стояла перед зеркалом в белоснежном нижнем белье, покрытом кружевами, и не верила, что все это происходит на самом деле, и я действительно стала женой Павлика Звезды. На мне все невероятно дорогое. Безумно красивый лифчик открывал полушария груди, чуть приподнимая их вверх, и крест-накрест застегивался на спине. Трусики-шортики обтягивали бедра и просвечивались, и я стеснялась, что под ними все так видно... а еще больше кровь прилиwała к лицу, когда я думала о том, что Павлик их снимет. Белые чулки с широкой резинкой красиво обтянули ноги, и мне было непривычно видеть себя в таком виде с кружевным поясом на талии и жемчужными застегками, придерживающими чулки. Я казалась себе красивой... впервые в жизни.

И мечтала, как Павлик войдет в дверь номера, захлопнет ее, схватит меня в объятия и, уложив на постель, сделает меня своей. Как это происходит, я себе представляла. В интернете видела, в книгах читала. Но там это было про кого-то, а не про меня. А сейчас все это случится со мной, и я была уверена, что Павлик будет очень нежным. Как в фильме «Три метра над уровнем неба». Попросит меня сказать ему, когда остановиться, и его глаза будут светиться от любви ко мне.

А потом я стану взрослой, стану какой-то особенной для него, и он будет гордиться тем, что он был у меня первым. Не только в постели, а вообще и во всем. В нашей спальне не будет видеокамер, и он сможет целовать меня по-настоящему, а не в подбородок, и я признаюсь, что это первый поцелуй в моей

жизни.

Набросила белый шелковый халатик и открыла дверь. Разочарованно выглянула в коридор – ну когдааааа? Посмотрела на невысокий стеклянный столик, где красовалось шампанское, фрукты и два бокала. Потом взглянула на часы и тяжело вздохнула. Уже одиннадцать вечера. Почему он не оставит их всех и не придет ко мне? Съёмки ведь уже окончились. Но когда открывала дверь, снизу доносилась музыка, а значит, есть гости.

Наверное, он не может уйти, там все еще эти телевизионщики чертовы. Как же они надоели. Интересно, отвезли ли тетю домой? Я взяла сотовый и набрала маму Свету. У меня даже не получилось обнять ее, побыть с ней рядом, сфотографироваться. Сиваков сказал, чтоб перед камерами я этого не делала, а потом я потеряла тетю из вида.

– Ты уже дома?

– А чего это ты мне звонишь? Разве у тебя сейчас не брачная ночь с твоим супругом?

– Гости еще не уехали, и он пока с ними.

– А ты одна? Где ты?

– Я уже в номере.

– Не пойму, что может быть дороже прекрасной, любимой новобрачной?

– Тетяя! Павлик не герой твоих любовных романов. Сейчас все по-другому. Там телевидение, журналисты. Он ведь Звездаааа. Я вышла замуж не за обыкновенного мужчину.

– Ну и правильно. Сняли бы, как он уносит свою невесту в номер. Вы когда уезжаете в путешествие?

– Должны завтра рано утром. – подумала о том, что мы отправимся на яхте плавать по океану, и радостная дрожь пробежала по всему телу.

– Ясно. Ты мне хоть позванивай... Ох, что-то беспокойно мне совсем.

– Ну что ты, мама Света. Все хорошо будет, вот увидишь. Ты не представляешь, какая я счастливая.

– Ладно. Не буду себя накручивать. Конечно, все хорошо. Поздравляю тебя еще раз, моя девочка. Мама была бы в восторге... как жалко, что она не видит, какая ты у меня красивая и умная малышка. – ее голос дрогнул, и я на секунду представила ее лицо в этот момент. Представила слезы на ее глазах, и сама расстроилась.

– Не плачь! Ты мне обещала!

– Не буду...не буду. Вот молитву прочту вам в дорогу, валерианки выпью и попробую уснуть. Непокойной тебе ночи.

– Тетя! – щеки зарделись, но она уже отключила звонок.... Если бы я тогда знала, что слышу ее голос в последний раз, и что через несколько минут начнется мой персональный ад.. я, наверное, говорила бы с ней совсем по-другому. Я бы хотя бы попрощалась.

Походила по номеру туда-сюда и набрала Павлика сама. Он не ответил. А после третьего раза сбросил звонок. Меня учили никогда так не делать... Стало неприятно.

Может, его заставили еще гостей развлекать и так надо по программе? Сиваков этот противный! Тогда почему Паша мне не отвечает? Хорошо... я не буду расстраиваться, я просто его подожду. Он обязательно скоро придет. Павлик любит меня. Я это чувствую. Он ведь сам меня выбрал. Так сказал ведущий у нас дома. И когда мы были на свидании, он сжимал мою руку и гладил мои пальцы. В горле слегка першило от разочарования. Совсем не так я представляла себе первую брачную ночь и не о таком мечтала. Обидно до слез. Но я сегодня у алтаря давала клятву любить его и ждать, быть верной, оставаться рядом в болезни и старости. Поэтому я просто подожду. Такого мужчину, как Павлик, любая бы ждала.

Я сняла халатик и подошла к зеркалу снова... Потянула шпильки из прически, позволяя волосам рассыпаться по плечам и по спине до самых ягодич. Тетя гордилась моей косой, любовно ее расчесывала и заплетала на ночь, и когда я предлагала ее обрезать, она кричала, что проклянет меня, а я смеялась, но волосы не трогала. Даже когда было совсем туго, и я думала их продать, тетя отговорила меня.

- Как можно отрезать это золото? У меня рука не поднимается. Твои волосы ослепительны, Верочка. Они - это и есть ты сама. Никогда не трогай их. Они твоя гордость. Этот цвет... такого ни у кого нет.

Я провела рукой по волосам и отбросила их назад, тряхнула всей копной, позволяя им струиться по голой спине, и в эту секунду услышала мужской голос позади себя:

- Сними эти белые тряпки! Мне они не нравятся.

Обернулась и вздрогнула от ужаса. Это был не мой Павлик, а тот жуткий человек с раскосыми черными глазами.

Он стоял возле двери, прислонившись к ней спиной и сложив руки на мощной груди, покрытой черной порослью вверху и татуировками, переходящими на плечи. Голый по пояс, в шелковых штанах с низкой посадкой, открывающих его плоский живот почти до самого паха. Ниже опустить взгляд я не решилась, стало нечем дышать. Огромный, как скала. Весь словно отлитый из темной бронзы. Широкие плечи, сильная бычья шея и рельефные накаченные мышцы, перекатывающиеся под лоснящейся темной кожей, как бугрящиеся канаты. Казалось, мужчина занял собой все пространство гостиничного номера. Он может переломать меня пополам одной рукой без особых усилий или свернуть мне шею. И этот страшный взгляд из-под густых черных бровей, который пронизывал меня насквозь еще там на церемонии бракосочетания и потом в зале полной гостей, заставляя покрыться мурашками. Лицо, скрытое до половины бородой, внушало суеверный ужас. Мне никогда не нравились бородатые.

Не знаю, как он проник в комнату. Я ведь закрылась изнутри, а ключи от номера были только у моего жениха.

– Как вы вошли? Убирайтесь немедленно! Кто вы такой?!

Схватила халатик, лихорадочно пытаюсь натянуть на себя и прикрыться. Жуткий гость ослабился, сверкая белоснежными зубами, и сделал шаг ко мне, прокручивая между пальцами карточку-ключ. Я все еще думала, это какая-то шутка или ошибка. Может быть, Паша решил так пошутить в нашу первую брачную ночь и сейчас выскочит из-за двери, улыбаясь своей умопомрачительной звездной улыбкой и размахивая смартфоном. Он любил все снимать и тут же выставлять в соцсеть.

– Кто я? – страшная ухмылочка. – Ты будешь называть меня Хан, Птичка.

Тяжело дыша, осмотрелась по сторонам и попятилась к балкону.

– Я закричу, позову охрану. Сейчас сюда зайдет Паша и...и вышвырнет вас! Убирайтесь из моего номера! Вон!

Подошел ко мне и выдернул из моих рук халатик, разодрал его у меня на глазах и отшвырнул в сторону. В нос ударил запах дорогого парфюма и терпкий аромат мужского тела. Он меня пугал. Никогда раньше я не видела полуобнаженного мужчину так близко.

– Сюда никто не придет. Твой Паша особенно. Он проиграл в карты и отдал тебя в уплату долга – МНЕ. Я пришел взять свой выигрыш. Снимай с себя все эти тряпки по-хорошему, залазь на стол и раздвигай ноги. Я голоден и хочу трахать тебя сейчас!

1* Цитата из романа Н.Г.Чернышевского «Что делать?» (прим. автора)

– Вы лжете..., – мой лепет был еле слышен. От ужаса я не могла сказать ни слова. Хан смотрел на меня исподлобья и сделал тяжелый шаг в мою сторону, отодвигая меня к стеклянному столу с шампанским.

– Я не пришел сюда болтать, я пришел трахаться. Закрой рот и откроешь его тогда, когда я разрешу.

Приказной тон, полная уверенность в своем превосходстве. Подавляющая, жесткая. Он явно привык, что ему все подчиняются, а кто не подчиняется, он подчиняет сам. Да так, что кости хрустят. Протянул лапищу и с треском без усилий порвал кружевной лифчик. Я тут же закрыла грудь руками, но он силой сдавил запястья и опустил мои руки по швам. Несколько секунд смотрел мне в глаза своими страшными раскосыми азиатскими глазами, потом опустил взгляд на мою грудь, и я дернулась всем телом. На меня никто и никогда не смотрел без одежды, от стыда и от ужаса хотелось кричать, и я дернулась еще раз, пытаюсь освободиться. Хан поднял голову, и у меня дух захватило от этого жуткого похотливого блеска в его глазах. Там жила тьма. Кромешная и беспросветная бездна. У человека не может быть такого взгляда.

– Будешь сопротивляться – я тебя разорву, поняла?

Кивнула и застыла, глядя на него, как кролик на удава, понимая, что чуда не случится, никто не спасет меня. Это все происходит на самом деле. И его слова не были просто угрозой. Скорее, констатацией факта. Он был огромен и мог разорвать меня так же легко, как и мой халатик. Этими ручищами с выступающими жгутами вен и перекатывающимися, вздувающимися мышцами под черной чешуей татуировки. Чтобы не смотреть ему в глаза, я смотрела на этот рисунок – черный тигр с оскаленной пастью и обнаженными в ударе когтями. Страшный, как и его обладатель. Похож, скорее, на машину смерти. А не на человека. Тело спортсмена и качка, все мышцы как живые двигаются под кожей. Он или не вылезал из спортзала или... серьезно занимался спортом, жил им. Если бы я увидела его при других обстоятельствах, я бы восхитилась этой красотой, но не сейчас... сейчас эта сила говорила только об одном – он меня раздавит, размажет и мокрого места не останется. И страшно представить, скольких он уже раздавил. Может, это из-за той розы. Какой же дурой я была, что раздавила ее. Такие люди не терпят обид и оскорблений.

Этот Хан что-то сделал с Павликом... иначе не зашел бы ко мне с этим ключом. Павлик не мог меня проиграть – этот жуткий человек лжет. Я надеялась, что кто-

то узнает обо всем, и в номер ворвется охрана отеля. Я все еще верила, что меня кто-то спасет.

Тяжело дыша, смотрела на татуировку, не двигаясь, замерев, сжавшись всем телом. Muskusный запах от его близости усилился, как и жар, исходящий от смуглой кожи. Услышала треск собственных трусиков и тихо всхлипнула. Едва он оставил мои руки, как я молниеносно закрыла грудь и пах.

– Убрала! Ты делаешь только то, что я скажу! Поняла?

Нет, я не понимала. Я ничего совершенно не понимала. Я впала в состояние шока и до безумия боялась насилия и боли. Настолько боялась, что от отвращения, страха и унижения меня тошнило и лихорадило. Взял меня за подбородок и заставил посмотреть себе в глаза, но лучше бы я смотрела куда угодно, но только не в них. Они были для меня самым страшным в нем:

– Сегодня ночью я буду тебя иметь, Птичка. Хочешь ты этого или нет. У тебя есть выбор: или делать, как я скажу, и все будет хорошо, или злить меня, и все будет плохо и очень больно. С последствиями. Понимаешь меня? Я, кажется, по-русски говорю.

Он говорил вкрадчиво и с акцентом. Слова звучат правильно, но гласные более растянутые и твердые. Кивнула и снова опустила взгляд на татуировку. Лучше смотреть на тигра. Тогда страх становится абстрактней.

– Я люблю, когда мне в глаза смотрят.

Посмотрела в глаза, изо всех сил стараясь сдержаться и не расплакаться. Его лапа легла мне на грудь, и у меня от стыда подогнулись колени. Я смотрела ему в глаза с мольбой и уже зарождающейся ненавистью от понимания, что все это не шутка, и этот человек собирается сделать то, что сказал. Ущипнул за сосок, подержал грудь в ладони. Не ласково, не нежно, а как-то потребительски, словно ощупывая товар, на который совершенно наплевать.

– Я... я нечаянно уронила ту розу.

– Я редко делаю подарки, Птичка, и очень не люблю, когда их не ценят. И хватит ломаться. Мне начинает надоедать.

Скользнул грубой шершавой ладонью по животу вниз к моим скрещенным ногам, заставив сжать их и судорожно всхлипнуть.

– Ноги раздвинь.

А я не могла этого сделать, физически не могла. Слышала его, понимала, но тело меня не слушалось. Вклинился бедром между моими коленями, и я начала задыхаться, продолжая смотреть в черные дыры его блестящего кровожадного взгляда. Погладил мой лобок, чисто выбритый перед свадьбой, накрыл промежность ладонью, и вдруг я ощутила, как в меня что-то больно врезалось, растянув сухое отверстие. От неожиданности глаза широко распахнулись и наполнились слезами. Это было больно, жутко и мерзко. Хан засунул в меня палец глубже и пошевелил им, а я ощущала, как плотно охватываю его и сжимаю, от чего боль становится еще сильнее. Задыхаясь, застывшим взглядом продолжаю смотреть на татуировку.

– Маленькая, – послышался его хриплый от возбуждения голос, – ты очень маленькая. Девственница. Не наврал слизняк.

Как будто говорит сам с собой. А мне от дискомфорта, стыда и шока хочется умереть, рыдать, биться в истерике, и все тело дрожит, ноги дрожат и подгибаются. Хочется выть и орать, но я его настолько боюсь, что не смею даже слово сказать. Вытащил палец, прекратив пытку, оставив неприятное ощущение жжения и, схватив меня за руку, потянул к своим штанам:

– Развяжи.

– Н..не надо... – стало еще страшнее.

– Развяжи, я сказал!

– Пожалуйстаааа, – очень-очень тихо.

Ладонью ощущаю выпуклую твердость под шароварами, и мне уже не просто жутко, я на грани истерики. И в этом животном нет ни капли жалости, ни капли сочувствия. Он вообще не похож на человека. Даже запах его звериный и дыхание горячее, как у зверя. Дрожащие пальцы потянули тесемки, и шелковые черные штаны, скользя по сильным бедрам, упали к его ногам. Он переступил через них. Каждое движение грациозно, несмотря на его габариты. Не знаю, зачем я туда посмотрела. Вниз. Ниже живота, с дорожкой черных волос чуть ниже пупка. Не надо было... Надо было закрыть глаза, зажмуриться, не думать ни о чем и не смотреть. Он был огромен везде. У меня перехватило дыхание – ЭТО не могло поместиться в нормальную женщину... а меня он разорвет на части... Из густой черной поросли чуть покачивался, приподнимаясь и доставая до пупка, толстый, полностью обнаженный от крайней плоти, член. Теперь я понимала, почему это животное так сказало. Что разорвет меня... От истерики закрыла глаза, глотая слезы. Инстинктивно дернулась назад, пытаюсь освободиться.

– Зачем...зачем я вам? Я еще никогда... не надо, прошу вас. Я боюсь... вы сделаете мне больно.

– Сделаю. – согласился он и подтянул меня обратно к себе, положил мою ладонь на свой орган.

Меня подбросило, как ужаленную, и я попыталась одернуть руку, но он удержал. Пальцы до конца не смогли обхватить его член, от ощущения вздувшихся, переплетающихся вен под ладонью рука задрожала так, что я ощущала эту дрожь всем телом.

– Зачем? Я захотел. Тебя.

Коротко. Безэмоционально. Как окончательный приговор. И после этого моя жизнь прежней никогда не станет. Мне даже страшно подумать, что будет после. И будет ли.

– Вы меня убьете?

Короткий, сухой смешок, и от него становится еще страшнее, потому что ему плевать на мои мольбы, на мой страх и на то, что я маленькая, как он выразился... а он настолько огромный.

- Если продолжишь скулить, вполне может быть. Двигай рукой. Вверх-вниз.

Неосознанно сделала, как он говорит, содрогаясь от гадливости, от презрения и ненависти. Но сильнее всего был страх и чувство обреченности, граничащее с паникой. Он глухо застонал, а я почувствовала, как по щекам потекли слезы.

- Что? Не нравлюсь?

Отрицательно качнула головой, чувствуя, как дрожит нижняя губа.

- Пожалуйстаааа....

- Сучка, да, я не Звезда, - отбросил мою руку, развернул спиной к себе, удерживая за затылок, наклонил и силой уложил на стол, заставив стать на колени и распластаться грудью на холодном стекле, - тебе же заплатят за этот спектакль, так какая, бл*дь, разница с кем?

Закусила губы, чувствуя, как дрожат ноги, впиалась скрюченными пальцами в стол, зажмурилась. Ощутила, как что-то мокрое размазали там внизу, а потом в меня уткнулось твердое, горячее и огромное. Сделал попытку протолкнуться, и я инстинктивно вся сжалась, закусив губы до крови. Так сжалась, что вытолкнула член обратно.

- Разожми мышцы, - прохрипел у моего уха, - слышишь меня?

Я слышала, но расслабиться не могла, совершенно. Я дико боялась боли, боялась, что меня это вторжение просто убьет. Никогда не думала, что это будет все так ужасно... с таким ублюдком, с самым настоящим зверем, а не с любимым мужчиной.

- Не могу, - срывающимся голосом.

Он попытался еще несколько раз протолкнуться, причиняя мне трением пока только дискомфорт и внушая ужас.

- Нет, бл*дь... не так.

Приподнял за талию и, как тряпичную куклу, перевернул на спину. Я так и не открыла глаза. Только не смотреть на него, иначе с ума сойду. Раздвинул мне ноги в стороны, надавливая на разведенные колени, поднимая их к груди. Ощутила, как снова прижимается своим огромным членом к моим нижним губам. Что-то рычит сквозь стиснутые зубы, проталкиваясь внутрь, а я голову запрокинула и вижу всю комнату вверх тормашками, и слезы не по щекам катятся, а по вискам вверх к волосам. Кричать сил нет. Только кажется, что меня медленно разрывают, и сейчас все мое тело пойдет трещинами. Наклонился ко мне ниже, поддерживает мои ноги руками.

- Впусти, и не будет так больно. Прими меня.

Но как я не пыталась расслабиться – больно было все равно. Больно и страшно. До меня доносится хриплое, сжатое рычание, и его дыхание-кипяток обжигает мне грудь и шею. Внезапно боль стала невыносимой настолько, что я вскрикнула и заплакала, широко раскрыв глаза, не веря, что это происходит на самом деле. Неужели эту пытку можно вытерпеть долго? Мне кажется, я после него умру.

Зверь остановился, давая мне почувствовать всего себя во мне. Такое впечатление, как будто меня раскрыли до предела, до треска, и внутри все наполнено, вот-вот порвется.

- Маленькая, такая маленькая девочка.... Бл*****дь, какая же ты маленькая. – голос срывается, и акцент слышен уже очень сильно.

И я сама теперь знала, насколько я маленькая. Только пусть больше ничего не делает. Иначе я не выдержу. Но ему было плевать. Я ощутила, как поршень внутри двинулся взад-вперед, натянутость стала еще невыносимей. Никакой ласки или нежности. Не касается меня, не гладит. Ничего из того, что я могла себе представить в сексе. Ни одного поцелуя или слов утешения. Только грудь мою иногда сжимает ладонями. Он думает только о себе. Двинулся еще раз, сдавливая мои ноги. Это ведь закончится когда-нибудь. Не может длиться вечно... Тетя говорила, что рано или поздно все имеет свой конец и боль тоже. Но моя казалась мне бесконечной. Каждая секунда – столетие.

Каждый толчок, как раскалённым железом по внутренностям. Не могу привыкнуть, не могу подстроиться, не могу ничего. Дышать не могу. Только хватаю ртом воздух, а он не поступает в легкие, и мне кажется, я задыхаюсь.

Приподнял за затылок, привлекая к себе.

– Я тебя трахаю, а не убиваю, поняла? Дыши и на меня смотри.

Приоткрыла глаза и вздрогнула от того, что его две черные бездны настолько близко, и в них мое отражение мечется от ужаса и боли. Трахает... он меня разрывает, имеет, как последнюю подстилку, хотя и знает, что я не такая. Уже знает. Его лицо вблизи очень гладкое и матово-бледное. Кожа обтянула выступающие скулы, и черная борода приоткрывает красиво очерченный рот. Он сжимает челюсти при каждом толчке, выдыхая со свистом.

– Да. Вот так. Уже лучше.

Кому лучше? Только не мне... Мне уже никогда лучше не станет. Тело все еще дрожало от напряжения. Пока не перестала думать об этом, не обмякла в его руках, и страдание начало отступать, ослабевать, как будто мое лоно уже привыкло к этому поршню внутри. Он начал двигаться сильнее, быстрее, а я запрокинула голову и так и смотрела на перевёрнутое окно номера, чувствуя, как колышутся мои волосы и стонет под нами стеклянный стол, подпрыгивает моя грудь и как жжет там внизу, где его член входит в меня, и у меня все огнем горит от каждого толчка, а ноги свело судорогой от того, что он так сильно развел их в стороны.

Рано или поздно все прекратится и... он уйдет. Услышала, как Хан что-то прохрипел на незнакомом мне языке, как сильно врезался в меня, замер и тут же вышел, на живот потекла липкая горячая жидкость под его протяжный низкий гортанный стон, он уткнулся лицом мне в грудь, содрогаясь в конвульсиях оргазма. Какое-то время так и стоял, вздрагивая и тяжело дыша. Поднял голову и посмотрел на меня, усмехнулся уголком рта.

– Красивая Птичка. Не зря заплатил.

Потом встал с пола, слышались шаги, хлопок двери и звук открываемой воды. А я не могу даже пошевелиться. Ноги свести вместе не могу. Мне стыдно, больно и хочется исчезнуть. Сдохнуть хочется прямо здесь.

Приподнялась с трудом, скреживая дрожащие колени. Волосы на лицо упали. Я не уверена, что смогу дойти потом до душа. У меня болят ноги и там... там как будто клеймо поставили, а бедра изнутри мокрые, и я знаю, что это моя кровь. Что теперь будет? Он ведь уйдет? Как я Паше в глаза посмотрю после всего? Я ведь могла кричать и сопротивляться? Могла... а я струсила и позволила. Надо встать, вымыться и уехать отсюда. Забыть, как страшный сон.

Хан вышел из душа. Остановился. Я голову подняла и сквозь слезы на него посмотрела. Стоит возле ванной, обмотанный полотенцем, расставив сильные, длинные, покрытые черными волосами ноги. На икрах тоже татуировки. Издалека не видно, что там набито. Какая мне разница... пусть просто оденется и уйдет.

- Чего сидишь? В душ иди.

На него не смотреть, только на пол. На ковер. Попробовала встать, но ноги подогнулись, и я чуть не упала. Не успела ничего сделать, как он на руки подхватил и отнес в ванну, поставил под душ и воду открутил.

- И грим весь смой. Мне без косметики нравится. Мыла поменьше, чтоб собой пахла.

Я долго смывала с себя кровь и его семя, глядя, как розовая вода, закручиваясь, убегает в сток. Потом с ужасом потрогала себя там в поисках чего-то ужасного, ран или разрывов, но ничего не нашла кроме саднящего, болезненного ощущения, что его член все еще во мне и ужасно чувствительной, растертой плоти. Вот и все. Вот он, мой первый раз. Ничего ужасней я представить себе не могла.

Села на край ванной и тут же встала - промежность сильно болела. В саму ванну упали белые розы, которыми были обложены углы. Какая насмешка. Черными надо было обложить. Я надеялась, что пока буду мыться, это животное уйдет. Он уже получил, что хотел. Я ему не нужна. Глупая и наивная идиотка, я надеялась, что все кончилось. В дверь сильно постучали.

– Давай быстрее. Ты утонула?

О Боже. Он здесь? Что ему еще надо? Пусть убирается.

Но я все же вытерлась, выбралась из ванной на дрожащих ногах и вышла. Остановилась в дверях, судорожно сглотнув слюну, увидев, как Хан развалился на постели, обмотанный полотенцем, и бросает в рот виноградины. Занял собой почти всю постель, резко контрастируя с белыми простынями темной, смуглой кожей. На его груди поблескивают капли воды. Особенно ярко смотрится мокрый черный тигр. Такое тело обычно ставят на обложки журналов. Но мне оно внушает ужас, а не восхищение, особенно его орган под полотенцем.

– Сюда иди, – похлопал по покрывалу, и мне стало плохо, я ощутила, как побледнела и закружилась от страха голова. Если он меня сейчас еще раз тронет, я точно умру.

– Ты слушаешься, и у тебя все хорошо, помнишь, Птичка?

Кивнула и, придерживая полотенце, подошла к постели. Легла возле самого края, отвернувшись от него, поджав ноги.

– Ко мне повернись. – перевернул меня, и я легла на другой бок, глаза закрыла. Не хочу смотреть на него.

– Как тебя зовут?

– Вера.

– Глупое имя.

Наверное, да... глупое. Вера. Я верила, что моя первая брачная ночь и мой первый раз будет самым прекрасным... и вместо этого получила адский кошмар.

Протянул руку и содрал с меня полотенце.

– Я люблю, когда женщина голая и всегда доступная.

Снова перехватило дух от ужаса, что он возьмет меня опять.

- Хватит трястись. Трахать тебя сейчас еще раз не буду. Я спать хочу.

Уже через минуту до меня донеслось его спокойное дыхание. Но облегчения не наступило. Стало мерзко и страшно. Что будет завтра? Как же шоу? И где Паша? Почему он так и не пришел за мной?

Утром меня наконец-то отпустят, и все закончится. Скорей бы наступил рассвет. Но я и понятия не имела, что все только началось.

Я смотрела на него, как он спит, и не решалась пошевелиться. Мне казалось, этот зверь тут же уловит любое колебание воздуха и сцапает меня своими огромными лапами, одна из которых лежала у него на груди, а вторая рядом со мной, расслабленная, большая, с выделяющимися загрубевшими костяшками. Слабый свет ночника освещал его мощные пальцы с белыми полосками шрамов на фалангах и ладонях, с татуировками в виде колец из шипов и гвоздей. На среднем – толстый перстень без единого украшения. Перевела взгляд на спокойно вздымающуюся грудь, настолько рельефную, словно ее прорисовали масляными кистями. Вблизи, под лапами тигра и чуть ниже видно точки, полосы, выпуклые линии. Его тело покрыто шрамами. Они хаотично разбросаны по всей поверхности. Одни светлые, одни темные или яркие.

Я как будто увидела, как его могучие руки сворачивают головы и ломают кости. Стало опять невыносимо страшно. Я должна попытаться сбежать. Обратиться в полицию или к охране отеля. Но вначале найти Пашу. Убедиться, что он жив.

Медленно привстала, стараясь не издать даже шороха. Осторожно опустила ноги на ковер. Прошла на носочках к ванной, взяла махровый халат и натянула на голое тело. Подобрала на полу ключ-карточку, случайно задела его штаны, звякнув мелочью в кармане, тут же посмотрела на Хана, но он спал, даже не шевелился. Я прикусила пораненную мною же губу и очень тихо открыла дверь. Выдохнула от облегчения, и тут же помчалась по коридору. Этажом ниже комната нашего свидетеля, кажется, его зовут Гоша, и он друг Паши. Может, он знает, где мой жених. Что этот подонок с ним сделал? Я уже представляла себе, как найду Пашу, лежащим навзничь на постели с разбитым лицом и сломанными

– В полицию.

Улыбка тут же пропала.

– Что случилось?

– Меня...меня... О, Боже! – беспомощно осмотрелась по сторонам, чувствуя, как наворачиваются слезы. Начало снова всю трясти, и мои пальцы, лежащие на стойке, подпрыгивали от лихорадки.

– Я сейчас позову начальника охраны, хорошо?

Кивнула, закрывая руками глаза, а перед ними скачущий на мужике Паша, и в ушах его гортанные стоны, как и голос Хана, когда он говорит, что Павлик меня проиграл... в карты. Девушка куда-то позвонила, протянула мне стакан воды.

– Попейте. Вам надо успокоиться. Все будет хорошо.

Я сделала несколько глотков, прикрывая глаза, наполненные слезами. Мне надо действительно успокоиться и уезжать отсюда. Я потом поплачу, потом буду сходить с ума. Сначала обезопасить себя от Хана.

– Что произошло? – обернулась – позади меня стоит мужчина в костюме с рацией и с наушником в ухе. Пожилой, с седыми волосами, но в отличной спортивной форме.

– Дмитрий Алексеевич, девушка говорит, что ее обидели у нас в гостинице. Просит вызвать полицию.

Дмитрий Алексеевич перевел взгляд на меня.

– Ну это наша невеста, вы разве не узнали. Не надо полицию. Мы сами полиция. Идемте, вы мне все расскажете.

Он повел меня по коридору в какие-то подсобные помещения, открыл одно из них с тремя компьютерами и узким топчаном.

– Посидите здесь. Я улажу несколько дел и вернусь. Мы все решим. Я вас закрою снаружи. Так безопаснее.

– Я домой хочу. Вызовите мне такси.

– Непременно. Но сначала надо разобраться, что произошло, верно?

Я кивнула, сжимая стакан с водой и чувствуя, как меня трясет еще сильнее. К маме Свете хочу, голову у нее на коленях спрятать и плакать, рыдать, выть. Чтоб она своими ручками боль мою забрала. Чтоб утешила меня. Какая же я дураааа... какая я идиотка тупоголовая. Двери закрылись, и снаружи повернулся ключ. Я прилегла на топчан и закрыла воспаленные глаза. Между ног все еще саднило и ощущалось жжение, напоминая о том, что все происходящее – правда.

Сил почти не осталось и дико хотелось спать после ужасной ночи и моря пролитых слез. Ненадолго закрыла глаза и вздрогнула, когда ключ опять повернули, подскочила в надежде, что сейчас все закончится. Вернулся Дмитрий Алексеевич, ободряюще мне улыбнулся.

– Вас отвезет в полицию наш водитель, а потом уже мы во всем разберемся. Нам бы не хотелось, чтобы сюда пришли полицейские. Репутация отеля, вы же понимаете?

– А... а как же заявление? Вы даже не выслушали, что произошло. Вся эта свадьба... это шоу...

– Выслушаем обязательно. – прервал меня и взял под руку, выводя из подсобки. – Сначала поезжайте в участок. Там все расскажете. Идемте.

Он повел меня коридорами не к главному выходу, а куда-то вглубь здания.

– Куда мы идем?

– Ну вы же в халате и босиком. Вас увидят люди. Зачем огласка? Выйдем с черного хода. Машина вас уже ждет.

Но едва мы вышли на улицу, я увидела черный джип с тонированными до черноты стеклами. Появилось странное ощущение в груди, попятилась назад, но Дмитрий Алексеевич вдруг схватил мою руку, выкрутил назад и, закрыв мне рот ладонью, потащил к машине, дверь распахнулась, и меня буквально зашвырнули на заднее сиденье, упав на живот, я уткнулась лицом в чье-то колено, тут же резко поднялась на руках и задохнулась от ужаса – на меня смотрели узкие черные глаза Хана.

– Ты принадлежишь мне, Птичка. Ты забыла? – и, повернувшись к водителю, скомандовал. – Поехали!

Глава 6

Так и стою на коленях, не в силах справиться с дрожью и с паникой и посмотреть на него снова. Мне страшно. А он отвел с моего лица волосы, погладил их. Медленно, перебирая пряди, опускаясь к затылку. И это не успокаивает, а наоборот, заставляет затаиться, очень тяжело дыша.

– Зачем? – едва шевеля губами. – Зачем я вам?

Мне жутко услышать ответ, а он и не торопится отвечать. Все еще гладит мой затылок, потом вдруг сжимает волосы в кулак и сильно подтягивает к себе, наклоня над своим пахом и расстегивая ширинку. Попыталась отпрянуть, но его рука огромная, сильная, как будто железная, от ощущения, что он, и правда, сломает мне шею, темнеет перед глазами.

– Вот за этим, – ткнул меня еще ниже, – за тем, что ты должна делать молча и покорно. Будешь послушная – не пострадаешь! Поняла?

Я смотрела, как пальцы чуть приспускают штаны, он слегка тряхнул меня, выводя из оцепенения и требуя реакции.

– Поняла? – в голосе сталь, и тон не терпит возражений.

- Дда, поняла.

Подняла на него глаза полные слез, но наткнулась на абсолютное, холодное равнодушие. Ни одной эмоции. Мрак. Без единого проблеска света. Он психопат или маньяк, а может, просто зверина. И он может сделать со мной что угодно.

Протянул руку и распахнул полы халата так, что стала видна моя грудь, колыхающаяся от движения машины. Хан смотрел на нее остановившимся взглядом, потом протянул руку и потрогал мои соски. Покрутил сначала один, потом другой. Что-то пробормотал себе под нос. А я бросила взгляд на переднее сиденье, но между нами и водителем была затемненная перегородка.

- Подвинься ближе ко мне, - подалась вперед, опираясь на руки и не понимая, чего он хочет. А потом задохнулась, когда увидела, как его смуглые пальцы извлекают член. Он еще не стоит, и Хан сжимает его у основания рукой, и нагибает меня так, чтоб моя грудь коснулась его органа, который слегка дергается, когда соски скользят по головке. Он трется им о мою грудь, по самым кончикам. Пока не рычит недовольно:

- Покрути свои соски - они не стоят.

На автомате трогаю свою грудь, сжимаю пальцами, пощипываю.

- Сильнее крути, чтоб встали.

Отбросил мою руку и сдавил сосок так, что я тихо всхлипнула и почувствовала, как он запульсировал и заныл.

- Вот так, наклонись ниже, - теперь его член скользил между моих грудей и цеплял головкой соски, я видела сильное запястье, вены, вздувающиеся в такт сжимающемуся кулаку, и это орудие пытки, которым он чуть не разорвал меня ночью. Сейчас оно казалось мне еще больше и толще, чем несколько часов назад. Каждая вена добавляет объем, а отсутствие крайней плоти обнажает адскую мощь. Внутри словно в ответ снова засадило и стало страшно, что там все разорвалось. Наклоняет меня ниже, и я чувствую, как усиливается мускусный запах.

– Возьми его в рот.

Нет. Только не это. Пожалуйста, не это. Он не поместится, и я не умею. Я задохнусь. Меня стошнит... и это чудовище убьет за это.

– Я не могу...

Пальцы на затылке стали жестче, и он наклонил меня над самым органом, почти касаясь головкой моих губ.

– Это никого не волнует, – и вдруг приподнял мое лицо, заставляя смотреть на себя, – послушай, как тебя там, Вера, хватит ломаться и играть в какую-то сопливую игру. Тебе заплатили за твою целку, за твой рот и за все дырки на твоём теле, которые я собираюсь оттрахать, как захочу и когда захочу. Поэтому открывай рот и соси так, чтоб мне понравилось. Мне хорошо – тебе хорошо. Поняла? Иначе просто порву.

– Вы меня с кем-то перепутали... я не... мне не платили. Я... на шоу пришла. Я за Па...шу, – и слезы при одном упоминании его имени на глаза навернулись, – замуж вышла... мне не платили...

– Открой рот. – чуть раздраженно, совершенно меня не слушая.

Почему? Что я говорю или делаю не так? Это же насилие... человека нельзя вот так выкрасть, нельзя вот так использовать. Я не вещь!

– Я не шлюха... слышите? Не шлюха!

– Мне плевать, кто ты. Я заплатил. Для меня шлюха. Соси.

Тычком вниз, так, что горячая головка ткнулась в подбородок, я невольно хотела схватить глоток воздуха, и в ту же секунду ощутила, как его член погрузился так глубоко, что я рефлекторно дернулась вверх, чтобы избавиться от вторжения, но огромная ладонь удержала меня за затылок, наклоняя еще ниже. Услышала тихий гортанный стон и слово на чужом языке. Тело Хана чуть выгнулось навстречу ко мне. От солоноватого вкуса рот наполнился слюной, а от осознания, что его орган у меня во рту, ощутила легкий спазм тошноты в горле.

Наклонил еще ниже, толкаясь глубже, и я чуть не подавилась, из глаз потекли слезы, а горло вспыхнуло болью, руки хаотично шарили по сиденью, по его паху в инстинктивных попытках оттолкнуть, и с каждым толчком я впадала в панику все сильнее, крутилась, задыхаясь, захлёбываясь. Пока не начала отталкивать его изо всех сил, ничего не видя из-за слез, давясь и выгибаясь из-за судорожных позывов.

Хан сжал мои волосы и потянул вверх, выходя из моего рта и пристально глядя мне в глаза.

– Где они тебя откопали, бл*дь? В какой глуши? Ты бездарна настолько, насколько красива. Не стоишь таких денег.

– Отпустите... пожалуйста... я никому ничего не скажу.

Судорожно сглатывая, смотрю на него и мысленно умоляю, чтоб все это прекратилось. Пусть отпустит. Я же бездарная, не такая. Пусть отпустит меня. О Божеее, пуууусть.

– Бери руками. Давай. Не зли меня. Я хочу кончить.

Обхватила толстый ствол двумя ладонями.

– Трись об него грудью. Она мне нравится.

Я старалась, терлась изо всех сил, скользила по члену сосками, пыталась сжать его между грудей. Когда-то видела такое в интернете. Мужчина задышал чаще, глядя на мои руки, на свой член, скользящий по моей коже, протянул руки и сдавил его моей грудью сам, начал толкаться, приподнимая бедра, хватаясь то за соски, то за сами полушария. А я смотрела на его лицо. Вблизи оно было еще более устрашающим. Тяжелые веки то закрывались, то открывались, обнажая этот дьявольский взгляд. Он дышал все чаще, давил на мою грудь сильнее, и его красный красивый рот открывался все шире по мере того, как он ускорял свои движения.

– Красивый птичка, – акцент усилился от возбуждения, он двигался яростней, жестче, и я вижу, как налилась головка его члена, как стала багрово-красной, и

на самой вершине показалась мутноватая капля. Это сейчас закончится... На каком-то подсознательном уровне... про себя. Я точно знала, что закончится.

Хан выдохнул рычанием какое-то длинное слово еще раз, и на мою грудь брызнула белая струя. Пока он кончал, я продолжала смотреть на его лицо... Какой же он жуткий, огромный и дикий. Не человек. Животное, не брезгующее сырым мясом и кровью. А по венам разливалось облегчение... В ближайшие несколько часов он меня не тронет.

Хан откинулся на спинку сиденья и посмотрел на меня осоловевшими глазами.

- Еще раз попытаешься сбежать - выдеру, как последнюю суку.

- Вы...вы меня отпустите?

Он прикрыл глаза, потом швырнул мне салфетки.

- Вытрись и замолчи.

На мой вопрос так и не ответил, и я очень тихо задала его снова.

- Когда вы меня отпустите?

- Через тридцать дней, если не насточертеешь мне раньше.

- Куда мы едем?

Он не ответил, закрыл глаза и расслабился, а я забила в другой угол сиденья. Я должна попытаться выжить, продержаться. Это не может продолжаться долго. Тетя будет меня искать... наверное. И тут же понимание, что нет, не будет. Никто не будет. Для всех меня нет на тридцать дней... А за это время он меня уничтожит.

Джип подъехал к огромному дому в три этажа. Он напоминал старинный особняк, какие рисуют на картинах или показывают в кино. Гротескное здание черного цвета, окруженное косматым, разросшимся садом. Широкие окна, разбитые на узкие секторы, сверкают начищенными до зеркального блеска

стеклами, отражая блики фонарей. Которые горят повсюду, возвышаясь на витых столбах, они освещают здание и придают ему еще большей мрачности. Хан идет впереди меня своей тяжелой поступью, его иссиня-черные волосы так же отливают в свете фонарей. Костюм сидит на нем, как влитой, и широкая спина заслоняет от меня центральный вход, который маячит далеко впереди. Я плетусь сзади все так же босиком в махровом халате из отеля. По сравнению с ним и с этим огромным домом я кажусь себе маленькой молью, с оборванными крылышками. Повсюду царит тишина. Справа между деревьями виднеется искусственный пруд, а слева – два огромных вольера, и в них мечутся туда-сюда черные тигры. Их желтые глаза сверкают и светятся фосфором в полумраке. Мускулистые, сильные, смертоносные твари казались игрушечно смешными по сравнению с тем, кто шел впереди меня. И я ни секунды не сомневалась, что стоит ему на них взглянуть, и они подожмут хвосты.

Где-то вдалеке раздается странное поскрипывание, присмотрелась – там раскачивается детская качеля. Это она издает отвратительный скрип.

Когда мы вошли внутрь здания, Хан молча отдал пиджак некому слуге, который склонился перед ним в поклоне и не поднимал головы, пока хозяин дома не прошел мимо и не бросил.

– Как всегда.

Слегка обернулся на меня.

– Ко мне ее отведи, – посмотрел мне в глаза своими мёртвыми глазами, – будь послушной и жди меня в комнате.

Ничего другого я делать и не собиралась. Если и было что-то страшнее этого человека, так это его ужасный дом, похожий на чудовище, заглотившее меня в свое чрево и собирающееся сожрать.

– Голая жди, – и добавил ещё что-то на непонятном мне языке, затем свернул в узкий темный коридор, а я пошла следом за немой слугой в странных черных одеяниях, расшитых вышивкой по краю длинной рубахи, подпоясанной широким поясом. Я не могла определить, на каком языке он говорит, откуда он. Не грузин, не азербайджанец точно. И с теми, и другими мы жили по соседству, и я даже кое-что знала на их языке. И эти узкие глаза...

Я поднималась по широкой лестнице, разглядывая черные головы тигров на лакированных перилах. Со стен смотрят картины в черных рамках с завитками, на них изображены хищные звери, холодное оружие на шкурах животных, украшенное сухими ветками. Жуткие композиции из перьев и сухих цветов. Мы прошли мимо огромной библиотеки со стеллажами книг до самого потолка и мимо домашнего кинотеатра с экраном на всю стену и кожаными креслами, стоящими полукругом и блестящими черной кожей при свете красноватых рамп.

Меня провели на второй этаж, распахнули двустворчатую дверь с массивными ручками, пропуская вперед.

Судорожно сглотнув, я вошла в спальню и тут же задохнулась от ужаса, увидев огромную, занимающую полкомнаты постель, застеленную черным покрывалом, ноги тут же утонули в ковре. Я прошла по комнате и села на краешек постели, тяжело дыша и сложив руки замком. Где я? Кто этот человек? Что я вообще о нем знаю или могу узнать?

А если он психически болен и нападет на меня, будет истязать? Несколько минут я сидела и не двигалась. Потом оцепенение начало отступать. Время шло, а он не приходил, и я все же встала с постели, прошлась по комнате, разглядывая вычурную мебель. Постояла у зеркала величиной во всю стену, подняла голову и увидела полностью зеркальный потолок, и я вся отражаюсь в нем. Жалкая и маленькая.

Опустила голову и посмотрела на шкафчик, стоящий ближе к окну. На нем красовалась свежая газета. Протянула руку и взяла ее, поднесла к лицу.

«Тамерлан Дугур-Намаев, известный всем, как Хан, был выпущен под залог из тюрьмы. Вопреки всем слухам о его смерти.

Каким образом судья дал добро на его освобождение, остаётся загадкой. Человек, который не ставит чужую жизнь ни во что, который сам лично ломает людям хребты и черепа, как яичную скорлупу, избивает, доводит до состояния комы, нарушая все правила, не должен возвращаться в цивилизованное общество.

Помешанный на грязи, извращенном сексе, состоящий в монгольской группировке, кровожадный и беспринципный зверь, должен был сидеть за решеткой до конца своих дней. Но все знают, что в нашем мире всё решают связи, деньги, власть и мафия...»

Я опустила взгляд на снимок – на нем Хан стоял голой татуированной спиной к фотографу, его кулаки были сжаты и обмотаны кровавыми тряпками. Судорожно сглотнула и опустила газету. Монгол... Вот что это за язык. Монгольский. И показалось, что я где-то уже слышала его имя. Но где?

Меня обуял ужас. Зачем я ему? Такой человек наверняка мог купить себе любую женщину. И это имя... я повторила его про себя несколько раз. Красивое. Конечно же, знакомое и громкое. Но оно вызывало такой же страх, как и его хозяин.

Я вернулась на постель. Так и сидела на краешке в ожидании. Не раздеваясь. Мне надо было осмыслить, понять, что именно со мной произошло и как с этим жить дальше..., а точнее, как среди всего этого выжить. О Паше вспоминать больно, так больно, что внутри все обрывается... Он ведь действительно меня продал. А я, а я была ослеплена своей дурацкой любовью настолько, что ничего не замечала...

Прилегла на краю, подобралась вся, обняла колени руками и закрыла глаза. Я не собиралась спать, но меня отключило мгновенно. Я была слишком уставшей, потрясенной и выжатой эмоционально. Проснулась от ощущения чьего-то присутствия, тут же все тело окаменело от напряжения. Хан находился в комнате. Он был раздет до пояса и стоял возле камина, в котором потрескивали дрова. Огонь отбрасывал блики на темные стены, отсвечивал на контуре его сильного тела. Мне было видно его лицо сбоку. Четко вырезанный профиль, подсвеченный оранжевым. И от этого все черты казались еще более резкими, грубыми.

Влажные черные волосы лоснились и блестели. Узкие глаза сощурены, и отблески пламени пляшут в черных безднах. Он меня как будто не слышал и не видел. Не шевелился, погруженный в какой-то транс. Каменная глыба, жуткое изваяние, вросшее в пол. Все мое тело сковывало суеверным страхом рядом с ним. Какая-то невозможно мощная первобытная сила скрывалась в этом человеке, бугрилась у него под кожей, растворялась в ауре, наполняя воздух искрящейся насыщенностью. И я, как и в нашу первую встречу, ощущала дрожь

во всем теле.

Хотелось сорваться с места и бежать как можно дальше, выпрыгнуть в окно, скатиться по лестнице. Но я, как и на свадьбе, смотрела на него и не могла отвести взгляд, как замороженная, как под гипнозом. Я не знаю, зачем встала с постели и сделала несколько шагов по направлению к нему. Совершенно неожиданно Хан обернулся, схватил меня за горло, поднял на вытянутой руке и силой тряхнул. Бездна сверкнула огненной магмой, обожгла до мяса, вызвав панический ужас. Он пронес меня через всю комнату и опрокинул на постель навзничь. Скованная страхом, не понимающая, чем сейчас вызвала такую ярость, я молча смотрела ему в глаза.

- Никогда не подходи ко мне сзади!

Совершенно спокойным голосом, хриловато-тихим. И жуткие глаза, кажется, совершенно без зрачков. От них становится так холодно и так тоскливо. В них появляется какое-то безумие... он смотрит, и, кажется, я умру только от одного этого взгляда.

Смотрел-смотрел. Склоняя голову то к одному плечу, то к другому, и вдруг схватил меня за волосы, заставив запрокинуть голову.

- Сука! Я же убил тебя! Ты еще живая?

Дернулась, пытаюсь вырваться, но его пальцы сдавили мое тело так сильно, что мне стало страшно пошевелиться. Рука сжала горло с такой силой, что казалось он меня сейчас раздавит. Я все же начала вырваться, и из глаз потекли непроизвольно слезы.

- Не... надо... вы... обещали... не убивать...

Смотрит остекленевшим взглядом, сдавливая, обездвижив сильными ногами, зажав мое тело между ними. И мне жутко от того, что он не в себе. Я это вижу.

- Сукаааа! Продажная, грязная сука!

Вот и все. Я сейчас умру. Он меня раздавит или задушит.

– Ос...та...но..ви...тесь.... Та...мер...лан!

Не знаю, что его остановило. Не знаю, что заставило разжать руки и не сломать мне шею. Возможно, его собственное имя. Голова зверя дернулась, и взгляд вдруг начал меняться, становится осмысленным. Волосы, упавшие ему на влажный лоб, прилипли к коже, а губы дрожали. Руки на моей шее начали постепенно разжиматься, а я закашлялась до истерики, согнулась пополам, отползая от него в сторону, глядя, как он опустился обессиленно на пол и обхватил огромными руками голову.

Потом вдруг встал и вышел из спальни, дверь захлопнулась, а я стояла по другую сторону постели и дрожала всем телом, обхватив шею руками, пытаюсь отдышаться и все еще ощущая его руки на своем горле.

Глава 7

Особняк Батыра Дугур-Намаева походил на ханский дворец и выделялся рядом с соседними домами вычурным массивным забором и куполами на крыше. По всему периметру видны глазки видеокамер, со двора слышен низкий лай собак. У особняка остановился джип, ворота медленно открылись и пропустили машину во двор. Видно было, как засуетились люди в черных национальных монгольских костюмах (очередной выбрык старого хозяина) и молчаливо склонили головы, встречая гостя. Со стороны можно было подумать, что все они немые роботы, готовые простоять в неудобных позах часами. Им запрещено разговаривать без надлежащего указания хозяев дома.

Внук Батыра – Тамерлан Дугур-Намаев вальяжно прошел мимо вольеров с рычащими и бросающимися на решетки ротвейлерами. Когда один из массивных кобелей буквально повис на прутьях ограды, скалясь и захлебываясь лаем, гость повернулся к псам и, остановившись, внимательно посмотрел в глаза кобелю. Какие-то доли секунд, и вожак, поджав хвост, отступил вглубь вольера, а за ним смолкли и все остальные. Слуги с тревогой переглянулись. Но головы так и не подняли до тех пор, пока мужчина не вошел в дом и за ним не захлопнулась дверь.

Один из таких же молчаливых и покорных слуг хотел провести гостя к хозяину в комнату, но Тамерлан приподнял руку и решительно направился сам в покои деда. Он не осматривался по сторонам, словно ему было неинтересно и совершенно безразлично произошли ли изменения за те десять лет с его последнего визита в родовой особняк. Когда-то он знал здесь каждый угол, изучил каждую мелкую царапину, ему не нужно было снова осматривать этот дом, чтобы убедиться – здесь ничего не изменилось за время его отсутствия, и дело не в интерьере, а фотографическая память с выверенной точностью подбрасывала изображения даже самого потаенного уголка в берлоге старого скорпиона.

Перед Ханом распахнули дверь, впуская его в комнату Батыра, в которой собралась многочисленная родня, скорее, напоминающая стаю стервятников, готовую разорвать здесь все на мелкие ошметки, едва самый старый из них отдаст душу дьяволу.

К нему все повернули головы, и на лицах отразилось недоумение, непонимание, страх и ненависть.

– Что ты здесь делаешь? – взвизгнула одна из дочерей Батыра и наткнулась на угрюмый, мрачный взгляд своего племянника, ее рот слегка дернулся, как от нервного тика.

– Кто тебя сюда звал? Как ты смел прийти в этот дом? – выступая вперед, нагло рывкнул Данзан – старший зять Батыра. – После всего, что сделал!

Хан исподлобья посмотрел на Данзана, и тот едва заметно отпрянул назад. С диким тигром сцепиться никто не решился бы даже вдвоем, даже вчетвером или вдесятером. Тигр. Так его здесь называли с ненавистью с самого детства. С тех пор ничего не изменилось.

– Я его позвал, – слышался скрипучий голос Батыра, и все обернулись к умирающему Скорпиону. Старик был настолько бледен, что сливался с подушкой, а его седые, всклокоченные волосы казались похожими на насыпи из талого снега, разметавшегося вокруг его головы.

Это было неожиданным заявлением для всех присутствующих... Десять лет назад в этом доме Батыр Дугур-Намаев проклял своего внука, лишил наследства

и права называться его фамилией, которая была одинаковой с фамилией отца Тамерлана, приходившегося Батыру троюродным племянником. – Подойди, Лан... я хочу тебя видеть.

– Убедиться, что я все еще жив после твоих проклятий? – ухмыльнулся внук и, не обращая внимание на родню, сделал шаг к постели.

– То, что ты жив, я знал и так. Хочу... хочу увидеть своего единственного внука перед тем, как сдохнуть.

Она прятала его в подвале, когда отец приходил домой и бил ее ногами. Спрятала и в этот раз, закрыв на засов, чтоб он не выбежал и не бросился на ее мужа. Чтобы не впился ему в лодыжку зубами, как в прошлый раз, и не получил удар кулаком по голове. А маленький девятилетний мальчик пытался сломать дверь и бился в нее всем своим худым телом, тряс ее, ломал ногти, выл, пока там наверху кричала единственная женщина, которую он любил, а вместе с криками раздавались глухие удары. Он будет их слышать долгие годы во сне и, просыпаясь, молча смотреть в потолок, сжимая кулаки и ожидая своего часа. Тигр умеет ждать. Тигр разорвет обидчика... потом... когда окрепнет и наточит когти с клыками, когда научится нести в себе смерть.

Его не выпустили, даже когда все стихло. Он просидел там несколько дней, пока засов не отодвинули, и бабка Сугар с печальным вытянутым лицом, в черном платке на седой голове, обвязанным вокруг шеи, не выпустила его, пытаясь поймать и обнять, но мальчишка вырвался и бросился вверх с диким криком «мамааааа».

Он ее так и не увидел. Гроб не открыли. Всем сказали, что ее сбила машина. Не было следствия, допросов, разбирательств. Менты к ним даже не пришли. Да и не придут. Дугур-Намаевы неприкосновенны. У них слишком много денег, чтобы закрыть рот каждому, слишком много власти, чтобы уничтожить любую, даже самую породистую шавку, посмевавшую твякнуть в их сторону. Мафиозный клан, существующий уже несколько десятилетий, внушал страх даже сильным мира сего и имел обширные связи по всему миру. За глаза их называли – синдикат

«Красный лотос», именно этот торговый знак красовался на всем золоте, принадлежавшем клану Дугур-Намаевых, основным источником его дохода была добыча золота в Монголии. Легальная и нелегальная. А там, где золото, там и наркотики с оружием.

Но девятилетнему ребёнку было наплевать на клан. Он слушал ложь о смерти матери и стискивал челюсти до хруста, глядя с ненавистью на убийцу, пустившего лживую слезу, и на свою семью, покрывающую этого проклятого ублюдка. И понимал, что еще не время... он слишком мал, чтобы перегрызть ему глотку, слишком мал, чтобы наброситься на своего дядю, деда, бабу, на многочисленную родню, фальшиво оплакивающую Сарнай. Красивую, хрупкую, молчаливую Сарнай, которая умерла в страшных муках, и никто из этих мразей за нее не заступился. Никому из них он никогда этого не простит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/soboleva_ul-yana/nevesta-dlya-hana

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)